

ТРУДОВАЯ ЭТИКА В СИСТЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Президент России Владимир Путин, получивший на выборах 2018 года убедительный мандат доверия избирателей на следующий 6-летний срок, сформулировал свое стратегическое видение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года в указе от 7 мая 2018, поставив соответствующие задачи перед новым составом Правительства страны.

Интересно, что в условиях продолжения борьбы с терроризмом и резкого усложнения международной обстановки, возрастания угрозы прямого военного столкновения с Западом, речь идет о программе мира и строительства социального государства.

Во главу угла поставлены интересы рядового гражданина: устойчивый рост его реальных доходов, улучшение жилищных условий, повышение продолжительности жизни, обеспечение условий для численного роста населения и др.

Добиться этого предполагается за счет вхождения Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира. Основа экономического развития видится в технологическом прогрессе, инновациях, подготовке кадров.

Это виденье целей и задач содержит много нового в стилистических формулировках и цифровых показателях, но сам подход принципиально не меняется уже около 20 лет, когда Владимир Путин, придя к руководству страной, всерьез взялся за укрепление государства и реализацию ключевых положений Российской Конституции.

Безусловно, многие из поставленных им задач решены. Много сделано в плане укрепления властной вертикали, предотвращения самых негативных сценариев экономического развития, относительной стабилизации социально-экономической ситуации, укрепления национального суверенитета страны и многого другого.

Вместе с тем, до сих пор налицо и целый ряд негативных процессов в науке, культуре, образовании, деятельности массовых коммуникаций, функционировании госуправления и бизнес-структур, правоохранительной системы и др. И это – в ситуации нарастания внешних угроз, ужесточения глобальной конкуренции, уже переросшей по ряду направлений в конфронтацию.

Следует констатировать, что в целом после распада СССР современной России не удалось сформировать социально-экономическую систему, конкурентноспособную в борьбе за мировое лидерство. Достаточно сказать, что за время своего руководства страной Владимир Путин ставил задачей вхождение в пятерку ведущих экономик мира уже 6 раз.

И это вызывает в памяти старших поколений аналогию с генеральным секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, заявившим на XXII съезде компартии в 1961 году, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Речь шла о вступлении в коммунизм в 1980 году. Известна и задача тех времен: «Догоним и перегоним Америку».

Среднему поколению россиян памятно обещание Бориса Ельцина «лечь на рельсы», если инициированные им либеральные экономические реформы приведут к повышению цен более чем в три-четыре раза (цены ко 2 января 1992 г. выросли в 26 раз, а реальные доходы населения упали до 44% от уровня 1991 г.

Подобные провалы контрастируют со многими примерами положительных результатов национальных взлетов XX века. Западная Германия, Япония, Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань, Китай – все эти страны добивались «экономического чуда» с применением моделей экономики, обладающих национальным своеобразием. И в каждом случае своеобразие было основано на глубоком понимании национальной культуры, традиций, характера и менталитета населения. При этом ряд традиций, противоречащих интересам развития подавлялся, а культурные особенности и свойства национального менталитета иногда придумывались и внедрялись в сознание граждан.

При этом одни страны шли от архаичных, полуфеодальных укладов экономики, другие – от тоталитарных (коммунистических или фашистских), третьи – от либеральных.

В любом случае экономические взлеты происходили в условиях национальных консенсусов в области морали. В первую очередь – гражданской и трудовой. Эти консенсусы охватывали все слои общества, кроме криминальных, стоящих вне закона. С последними же шла беспощадная борьба.

Следует подчеркнуть, что закон и его защита, правоприменение (жесткие регуляторы) поддерживались мягкими регуляторами – общественным климатом, идеологией, разделяемой чиновниками, предпринимателями, наемными работниками, деятелями науки, культуры, искусства, работниками СМИ. Нигде экономические успехи не становились возможны в условиях тотальной эрозии морали и нравственности, существования у разных слоев общества разных базовых ценностей.

Конечно, в России сегодня в моде разговоры о «цифровой экономике», развитие которой компенсирует слабости экономики реальной. Так

же, как недавно чиновники декларировали грядущие успехи в «нанотехнологиях», обернувшись производством «нанокирпичей», строительством «нанодорог» и другими экономическими «чудесами» многострадальной страны. Звучат и футуристические прогнозы о том, что роботы полностью заменят людей, а рабочие, охранники и водители транспорта усядутся в пивбарах у экранов телевизоров. Компанию им составят писатели, актеры и режиссеры, художники, дирижеры и музыканты, которых так же вскоре заменят компьютеры.

В реальности же правительство страны готовится к увеличению пенсионного возраста а предприниматели непрерывно ищут пути урезания прав работников наемного труда.

Можно ли добиться успеха в конкуренции с ведущими экономиками мира стране, где этика чиновников, бизнесменов, наемных работников основана исключительно на принципе личной, индивидуальной материальной выгоды, игнорирует интересы конкретного предприятия, отрасли, потребителя продукции, страны? Можно ли ожидать от работника добросовестного отношения к труду, качественной работы, повышения производительности, если его трудовая этика расходится с этикой владельца предприятия, проверяющих владельца чиновников, этикой производителей приобретаемых им на зарплату товаров и услуг, этикой производителей социальных благ?

Может ли быть население России набором «своекорыстных не связанных ничем атомов» или для достижения успеха должно быть преобразовано в нацию, объединенную общим интересом, и кто должен позаботиться о таком объединении? Или, может быть, власти достаточно провозгласить лозунги, а дальше все случится само собой? – Думается, эти вопросы в настоящее время обретают особую актуальность.

Между тем, вне зависимости от публичных деклараций, власть уже многие годы идет по пути увеличения бюрократического аппарата и наращивания делопроизводства, полностью игнорируя мягкие регуляторы жизнедеятельности и занимаясь формированием общественного консенсуса сугубо по отдельным политическим вопросам.

Сложность ситуации обуславливается тем, что Россия вошла в критический период, зону системного кризиса, когда проблема «быть или не быть» должна решаться в ближайшее время на основе выбора нового сценария развития и путей его воплощения. В контексте динамично меняющегося мира сроки модернизационного рывка сжимаются по мнению специалистов до десятилетия. Неверно выбранные сценарии не только не выведут Россию в пятерку, но и в десятку ведущих экономик мира войти не позволят.

Российская модель социально-трудовых отношений переживает трансформационный кризис с начала 90^х годов XX века. Социально-экономическая формация, сложившаяся в СССР, разрушена. А новая построена, очевидно, крайне неудачно. Существующие рыночные механизмы неэффективны, традиционные стереотипы трудового поведения деформированы, в стране усилилось социально-экономическое неравенство. Налицо нарушения социальных прав трудящихся, обострение социальной отчужденности и снижение престижа производительного и добросовестного труда.

Среди четко фиксируемых проявлений кризиса можно выделить: а) функционирование огромного сектора неформальных трудовых отношений, препятствующего формированию социально-ориентированной экономики; б) непрозрачность хозяйственной деятельности; в) коррупцию

контролирующих органов; г) слабость системы правоприменения, правовой нигилизмом населения.

По всей видимости, деструктивные тенденции в сфере социально-трудовых отношений в принципе не могут быть преодолены существующими институтами права. Правовой нигилизм, к сожалению, демонстрируют не только ключевые акторы социально-трудовой сферы (бизнес, госструктуры, наемные работники), но и сотрудники правоохранительной системы.

Правовой нигилизм был заложен в основу перехода страны от командно-административной системы к рынку, стал доминирующим вектором идеологических перемен, воплощенных в идее денег как главной ценности и смысла человеческой жизни, мерила значимости человека, а обогащения – как высшей формы человеческой деятельности. Все базовые ценности прежнего общества, их иерархия подверглись тотальной ревизии. И новая идеология стала генетическим кодом новой социально-экономической формации, не претерпевшей с начала 90^х годов и до настоящего времени сущностных изменений.

Пожалуй, самым знаковым культурным символом наступивших времен стала масштабная приватизация 90-х годов, которая носила откровенно неправовой характер, предопределивший все последующие деформации системы политико-правовых и социально-экономических отношений постсоветской России. Власть выбрала тогда вопиюще-аморальный, издевательский по отношению к народу страны и вреднейший для экономики вариант приватизации. По классификации Мирового банка российская приватизация идентифицируется как инсайдерская, которая на порядок антигуманнее «макиавеллевской», проводимой правительствами в интересах собственных сторонников, своего электората.

Следует отметить, что путь российских реформ последней четверти века радикально отличается от общемировой практики. Средствами массовой информации, массовой культурой гражданам навязываются ложные представления о том, что страна движется к построению некоего «общества западного типа» по некоему «западному образцу», обладающему огромными и неоспоримыми преимуществами по сравнению со всем «не Западом».

Однако «Запада», образ которого насаждается в России, того образца социально-экономических отношений, который культивируется российским чиновничеством, в реальности не существует. Страна имеет дело с некритичными заимствованиями поверхностно изученных и неверно понятых механизмов и явлений. Идет ли речь о включении страны в Болонский процесс, строительстве Сколково, регулировании деятельности СМИ, проведении конкурсов по госзаказам, реорганизации системы научных исследований, молодежной политике и т.д и т.п.

Итог четвертьвековых преобразований в России – формирование уникальной и крайне неэффективной ультра-либеральной модели социально-экономического устройства. В то время, когда развитие ведущих мировых держав осуществляется в русле теории конвергенции, когда набор социально-экономических инструментов развития стран непрерывно пополняется за счет лучших достижений социализма и капитализма. При этом в мире не существует набора универсальных достижений, являющихся лучшими. Лучшее – то, что может быть наиболее эффективным в той или иной конкретной национально-культурной и социально-экономической ситуации (О. Богомолов).

При этом Запад постепенно утрачивает свою лидирующую роль, перестав в последние десятилетия быть эталоном развития для всего осталь-

ного мира, за исключением России. Во многом это связано с общим кризисом развития техногенного типа цивилизации (В. Степин).

В развитии современного капитализма конкурируют и по-разному сочетаются строительство «социального государства» и «общества потребления».

В формировании общества потребления Запад долгое время остается бесспорным лидером, однако это же и привело его в очевидный тупик.

Конечно, социальные функции государств до последних десятилетий там постепенно усиливались, но ведущими тенденциями все же стали: фундаментальные изменения рынка, утрата им роли локомотива экономического развития; деформация национальных элит и потеря ими способности к генерации новых смыслов, выявлению перспективных путей развития; тотальное перерождение демократии; возрастание манипуляций обществом и уничтожение свободы слова; разрушение христианской матрицы развития культуры.

Эффективность классического капитализма базировалась на свободном рынке с его стихийной принудительностью экономических механизмов. В основе лежала конкуренция производителей, борьба за удовлетворение потребностей потребителей на основе производства качественного товара. Этот рынок ушел в прошлое.

Центр тяжести производства переместился из фабричных цехов в головы людей. Материальное производство вытеснилось на периферию экономики производством смыслов. И сами потребности людей стали производиться как продукты. Современное «информационное общество» с момента своего зарождения не было и не стало сферой свободной жизнедеятельности людей, явив собой по сути лишь новую форму государственно-монополистической организации производства.

Конец 60^х – начало 70^х годов – период, когда относительно свободная интеллектуальная жизнь Запада решительно сменяется механизмами тотальной манипуляции сознанием. Радикально меняются механизмы формирования и функционирования элит.

Ранее особую роль в обществе играли интеллектуалы – писатели, философы, ученые, профессора. Они пользовались значительной свободой в анализе реальности, генерации идей и донесении их до общества, оказывали на его развитие существенное, а иногда и ключевое влияние. Их зависимость от экономической и политической элит была сравнительно слабой.

Позднее практически все духовное производство Запада было приватизировано монополистическими структурами. Как и само государство. Интеллектуалы превратились в служащих корпораций, производящих идеи по их заказу и в их интересах, все чаще – без связи с реальностью или связанных, но не улучшающих ее с точки зрения общественного блага. Крупная буржуазия создает духовный продукт в собственных узкокорыстных интересах и в тех же интересах навязывает его через систему СМИ, с помощью механизмов распространения массовой культуры. Аналогичным образом приватизируются институты функционирования демократии, что приводит к вырождению политического класса, исчезновению политических лидеров уровня Франклина Рузвельта, Шарля Де Голля.

И не случайно сегодня лидеры стран Евросоюза за редкими исключениями образуют единообразный ряд безликих чиновников, а избранный вопреки воле сложившейся в США властной элиты Дональд Трамп практически лишен возможности реализовывать свои предвыборные обещания.

Превращение свободы слова и демократии в товар означает вступление капитализма на Западе в фазу критического перерождения. Перерождение

это уже называют злокачественным. Особенно активно в мировом сообществе критикуется культурное перерождение Запада, отказ от христианства с его системой ценностей, общей для традиционных мировых религий.

Весь спектр глобальных кризисов (истощение запасов энергии, климатические изменения, рост терроризма, множащиеся техногенные катастрофы, загрязнения среды обитания человека и т.д. и т.п.) в мире все больше связывают с кризисом западной модели развития, цивилизационной парадигмы.

И вот эту модель новоявленная российская элита начала культивировать на местной почве, да еще без особого ее понимания и без умения что-либо культивировать.

В результате одной из ключевых проблем практически всех сфер общественного производства в России стало отсутствие национально ориентированной трудовой этики, опирающейся на ценностные доминанты отечественной культуры. Постсоветская модель социально-трудовых отношений страдает национально-культурной неукорененностью, в ней слабо просматриваются исторически устойчивые мировоззренческие доминанты национальной культуры. Более того, ценностный диссонанс способов организации производства с глубинными духовными основаниями русской цивилизации становится источником расширения пространства и спектра социально-трудовых конфликтов.

Приходится признать, что формирование модели социально-трудовых отношений последних десятилетий происходило путем некритичного, недостаточно осмысленного переноса в российские реалии чиновниками и предпринимателями западных принципов капиталистической экономики, форм организации производства и моделей корпоративной этики. Процесс построения национально-ориентированной трудовой

этики изначально блокировался ультралиберальным «сценарием развития» государства и общества, который утверждался в качестве ключевого критерия «цивилизованности».

Между тем, исторический опыт убедительно свидетельствует о значимости духовных традиций как ресурса грамотно осуществляемых экономических реформ. Например, технологический взлет (начиная с 60-х годов прошлого века) ряда стран тихоокеанского региона был во многом обеспечен «культурным фактором» – сохранившейся цивилизационной самобытностью: традиционной этикой ответственности и законопослушания, коллективистской идентичностью народов, готовностью жертвовать индивидуальным во имя блага общего.

Однако ультралиберальная доктрина несет в массовое сознание ложное по своей сути понимание религиозных и национально-культурных отличий народов и стран от «среднеевропейской нормы» как негативного фактора – «архаизма».

Экспансия западного цивилизационного проекта в сложившиеся на протяжении веков российские традиции и духовный опыт народа проявляется в форме культурной дезинтеграции страны – распаде единого духовного пространства нации. У разных слоев общества возникают взаимоисключающие мировоззренческие доминанты и конфликтующие стратегии выживания и сценарии будущего. Конфликт программ воспроизводства и развития (экзистенциальный, мировоззренческий, политический) провоцирует общественный раскол, который сокращает пространство диалога и стимулирует разрушительные тенденции в обществе.

Противоречия особенно обостряются на этапе форсированной модернизации, когда процесс целенаправленной трансформации ключевых сфер общественного производства требует выбора определенной, целост-

ной, приемлемой для основной части общества модели. Специфика данного этапа состоит в резком усилении конфликтного противостояния традиций и инноваций, а именно: чем динамичнее продвижение к новой экономической системе и утверждению ее мировоззренческой основы, тем значительнее сопротивление консервативных сил и традиционных матриц культуры. Такая асинхронность в динамике составляющих трудовой этики и социально-трудовых отношений также расширяет пространство социально-трудовых конфликтов и ведет к росту социальной напряженности.

При формировании «сценария будущего» нельзя не учитывать, что экономическая модель не может возникнуть в культурном вакууме, вне цивилизационных матриц – она возникает на базе трудовой этики, которую конституирует культура, господствующая над экономикой, творя ее по своему «образу и подобию». Каков человек, таков и сотворенный его руками материальный мир.

В свою очередь, мировоззренческая доминанта культуры (П.Сорокин) и национальная идентичность формируются в соответствии с «природой» человека, его психофизическими характеристиками, которые определяются географией, историей, религией. Капитализм, порожденный европейской цивилизацией, является не только «экономическим», но и, в первую очередь, «культурно-антропологическим феноменом» – известно, что капиталистическая модель стала возможной в условиях существенной корректировки христианской антропологии (М.Вебер).

Национально ориентированная трудовая этика, выступающая мировоззренческой основой культурно легитимного и социально ответственного поведения всех субъектов социально-трудовых отношений, возникает в результате системного взаимодействия трех групп факторов: а) на-

циональной культуры, определяющей ее духовные доминанты, иерархию базовых ценностей и смыслообразующие жизненные сценарии; б) ментальности народа, обеспечивающей целостность культуры и национальное своеобразие на протяжении исторически длительного времени; в) модель экономики, краеугольными камнями которой являются форма собственности (обеспечиваемая институтом права) и «человеческий фактор» трудовой активности. Рассогласование данных факторов неизбежно ведет опять-таки к усилению нестабильности в обществе и конфликтности в системе социально-трудовых отношений.

При этом в ситуации диссонанса экономических моделей и культурных матриц наибольшей инерционностью и сопротивляемостью обладают национальный этос и формирующиеся на основе психофизических особенностей народа ментальные матрицы. Последние формально лежат за пределами рынка труда, но фактически формируют его специфическую ментальную инфраструктуру (Э. Соболев).

Следует признать, что реальный экономический подъем в России возможен лишь при формировании национально-ориентированной трудовой этики, опирающейся на ценностные доминанты и ментальные матрицы отечественной культуры.

Стране необходимо вернуться к хозяйствованию на основе концепции нравственной порядочности и взаимной ответственности всех субъектов социально-трудовых отношений; адаптировать к специфике русской культуры механизм координации интересов между производителем и потребителем; обеспечить на приемлемом уровне гармонизацию основных составляющих капиталистической модели хозяйствования и увеличить инвестиции в развитие «человеческого капитала» как фактора стабильного и долговременного развития экономики.

В ситуации крупномасштабных, глобальных технологических сдвигов у России пока еще есть «окно» возможностей для прорывов вперед и совершения «экономического чуда» (С. Глазьев).

Гуманитарным ресурсом решения этой задачи является фундаментальная корректировка идеологии реформ, переоценка их результатов и перспектив. Экономические и политические преобразования будут успешно реализованы лишь в том случае, если будут опираться на глубинные пласты национального сознания и сущностные характеристики российской ментальности.

От востребованности ключевыми институтами национальной экономики духовно-нравственного потенциала русской культуры зависит настоящее и будущее великой российской цивилизации.